

НАША СТРАНА

Год издания 73-й. Буэнос Айрес, 11 апреля 2021

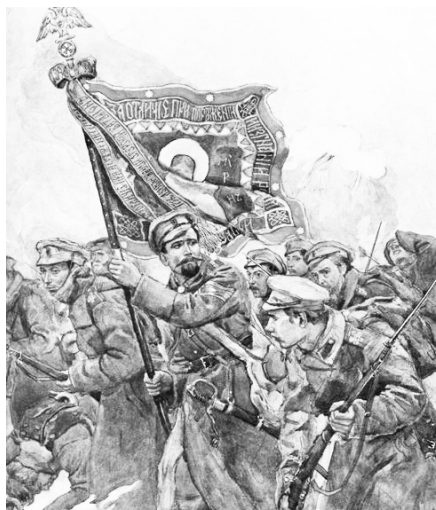
"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 11 de abril de 2021

No 3147

ПРОТОДИАКОН ГЕРМАН ИВАНОВ-ТРИНАДЦАТЫЙ

Две правды и одна ложь

Двух правд на одну тему быть не может. Одна из них безусловно ложь. А эту ложь, выдаваемую за правду, мы ясно видим в утверждении, что в Гражданской войне и Красные и Белые боролись будто за Россию, и те и другие будто боролись с высоким похвальным чувством патриотизма и любви к России. Эта явная ложь стала просачиваться за эти последние годы, как ни странно, в связи с падением советской власти и владычества большевицкого видения истории. До этого никто бы не посмел даже заикнуться о том, что у Белых могла быть какая-то доля правды. Но тут, увидев искривленную рожу своего прошлого, всего того на чём было выращено три поколения советской "интеллигенции", мировоззрения, так называемой "советской культуры", и придя в ужас от виденного, новые вершители судьбы несчастного русского народа, вме-сто того, чтобы признать, как говорится, что "а король-то голый", нашли, как они думают, выход из положения, ставя на ту же ступень Добро и Зло.

Зло, на котором они выросли и с которым ничуть не хотят расставаться, соглашаясь только слегка смазать память об ужасах прошлого. Добавим, если в СССР были интеллигенты, а они были, то несомненно были они русскими интеллигентами, а никак не советскими. Сейчас всё чаще принято восхвалять Белых, но одновременно ни в коем случае не ругать Красных.

Это как поклоняться перед иконой Христа и в то же время перед картиной антихриста: внешне – одно и то же, а суть совершенно противоположная. Поклоняться можно Богу, поклоняться можно дьяволу, но оба поклонения никак не могут быть поставлены на один уровень.

Необходимо разбить этот усиленно внедряемый пост-советский миф о равноценности побуждений противостоящих в российском лихолетье. Но для этого, необходимо, чтобы наследники Красных признали без обиняков преступную трагичность деяний своих Отцов, а Белая Эмиграция оставалась тем, чем она была все эти годы – хранительницей

русской исторической правды.

Мы должны продолжать свидетельствовать, чтобы нить с прошлым не прервалась. Зинаида Гиппиус однажды сказала: «Русская эмиграция – это миссия или измена». Так, не превратимся в изменников!

Правые деятели Русской Эмиграции всегда настаивали на духовном характере Гражданской войны: «Белая идея есть идея религиозная. Это есть идея борьбы за дело Божие на земле...». Как писал И. А. Ильин в статье "Белая идея", эта борьба (Белых с Красными) никогда не стихнет, а будет непрерывно возрастать и при построении новой России:

«Пройдут определённые Свыше сроки, исчезнут коммунисты, революция уйдёт в прошлое; а Белое дело, возродившееся в этой борьбе, не исчезнет: дух его сохранится и органически войдёт в бытие и строительство Новой России». Наш выдающийся философ считал Белую идею идеей религиозной и смысл её видел в борьбе «с сатанинским началом в его личной и общественной форме».

Как видим, сегодняшняя Россия, в её официальном облике, до такого уровня и понятия не дошла и не дойдёт пока будет обманывать и себя и общественность, уравнивая нравственный смысл борьбы Красных и Белых.

Если кто хочет излечиться от красной чумы, то должен именно понять и прийти к глубокому внутреннему убеждению, что идея Белой борьбы есть, как писалось, «идея борьбы правды с ложью, справедливости с насилием, честности с низостью», и что эта идея не может быть запятнана недопустимыми деяниями возможных отдельных исполнителей, имея ввиду, что подобные деяния, если и могли иметь место в среде Белых, то в неизмеримо меньшей степени, чем повальные злодеяния и изуверства большевиков, у которых они были нормой. Вспомним тут как генерал Деникин, которому кто-то предложил подражать Красным и применять те же зверства по отношению к противникам, благородно ответил – а чем мы тогда будем от них отличаться?

Но увы, слишком часто видим обратное. Никого не убедишь показным покаянием в царубийстве, если одновременно спокойно переносишь и терпишь жить в городе, где улицы и станции метро продолжают носить уродливые имена царубийц, и где на опрос населения – какой памятник поставить на площади Лубянки, лидирующим кандидатом идёт "железный Феликс" Дзержинский

... Всё та же боль утраты былого величия СССР и тоска по былой советскости. Покойный протоиерей Лев Лебедев, в одном письме точно охарактеризовал нам духовное состояние большинства жителей современной России: «Это люди,

отказавшиеся от большевицкой идеологии, но в полной мере сохранившие большевицкую психологию». И ему вторит выдающийся профессор И. А. Есаулов: «Я считал и считаю, что не следует ограничиваться только лишь "десталинизацией", поскольку России необходима десовветизация как таковая».

Вот именно: десовветизация. Десовветизация умов и сознаний – вот, чего не хватает пост-советскому гражданину и чем грешит РФ-ия.

В отсутствии этой десовветизации зиждется ключ всех недоразумений и нелепостей, с которыми постоянно сталкиваешься, как например вопрос двух будто правд – Красных и Белых. "Великий Октябрь" был началом, но до сих пор, увы, никак не видно конца этого начала, наблюдаем лишь трансформацию, видоизменение его ...

Вспоминается как, находясь в Москве в судьбоносные дни августа 1991 года, мы были свидетелями того, как был водружён на крыше Кремля русский национальный флаг, под которым наши Отцы проливали кровь, тот самый флаг, с которым ещё накануне было опасно под угрозой расправы и тюрьмы выходить на улицу. В один миг это видение прямо облагородило здание и всю атмосферу, как бы вернуло ему его былую вековую славу. Потрясающее зрелище, трудно было глазам своим верить.

И даже не были видны красные кремлёвские звёзды. Не было видно, что над другой частью Кремля продолжала торчать красная тряпка, за которую Горбачёв цеплялся, как утопленный за соломинку до 25 декабря, когда окончательно её спустили за ненадобностью.

Даже не было видно, что ниже всё находилось капище, уродующее Красную площадь, с мумией злейшего злодея, лютого врага России, перед которым толпы народа десятилетиями вынуждены были поклоняться. Всего этого не было видно. С восторженным недоумением смотрели на это востину чудо и были им буквально ослеплены. И на самом деле такое странное "сожительство Добра и Зла", такое "и там и там", "и то и то" тогда не шокировало, потому что была, даже не надежда, а уверенность, что настало время раскрепощения и народ жаждет свободы и правды, и значит такое уродливое сожительство только временное и его дни считаны.

Но когда через год вернулись в Москву – полное разочарование. Именно убедились, что "Великий Октябрь" был началом и никак не было видно конца этого начала, наблюдалось лишь видоизменение

... Да, пооткрывались частные рестораны, люксовые автомобили на больших проспектах заменили допотопные уродливые грузовики, появились шикарные магазины, могущие соперничать с самыми элитными магазинами Нью-Йор-

ка или Парижа, но в духовной области – полный маразм, никакого желания распознать корни советского народа, никакого желания вернуться на правильный исторический путь, с которого сошли благодаря "Великому Октябрю" и гнусному Февралю.

Лишь крайним меньшинством, но такое меньшинство на вес золота, была совершена здравая переоценка прошлого с принятием вытекающих выводов для собственной жизни.

Линия раздела находится в принятии советчины или в радикальном отказе от неё и это в первую очередь включает отказ от всех "совковых патриотизмов".

Уместно тут напомнить слова рыцаря адмирала А. В. Колчака, сказанные в пору, когда была ещё надежда вернуть Россию на свои рельсы, свидетельствующие о бескомпромиссности ко Злу, свойственной идейному человеку: «Моя цель – стереть с лица России всё, что связано с большевизмом».

Стереть всё, а не совместить, не приспособить. А уже в Эмиграции, наш великий Авва, св. Митрополит Анастасий, смотря вперёд учил тому же самому: «Нет ничего опаснее, как если Россия захочет усвоить что-либо из печального наследия оставленного растленным большевизмом: всё, к чему прикоснулась его разлагающая безбожная рука грозит снова заразить нас старой проказой».

А другой Белый рыцарь, генерал барон П. Н. Врангель также поучает, как должен себя вести идейный человек: «Лучше умереть, чем добровольно отдать Белые Знамена».

А что видим в противоположном лагере? Ленинские постоянные указания, устные или начертанные на полях резолюций: расстрелять, беспощадно уничтожать, подавлять, массовые обыски, массовый террор, чем больше расстреляем, тем лучше, сгноить в тюрьме, расстреливать на месте беспощадно. Беспощадность – излюбленное слово этого изверга. В письме Л. Б. Каменеву в марте 1922 года, Ленин пишет: "Величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернёмся к террору и к террору экономическому". Людоедская идея уничтожить 90 процентов населения, чтобы 10 процентов дожили до мировой революции, не оставляла Ленина до конца.

И. И. Вацетис, командир кровавых латышских стрелков и главнокомандующий всеми Вооружёнными Силами РСФСР в самый разгар Гражданской войны с 1 сентября 1918 по июль 1919, делится тут с Лениным своими чувствами и думами: «Дисциплина в Красной армии основана на жёстких наказаниях, в особенности на расстрелах... Беспощадными наказаниями и расстрелами мы навели террор на всех, на красноармейцев, на командиров,

на комиссаров... смертная казнь... на фронтах практикуется настолько часто и по всевозможным поводам и случаям, что наша дисциплина в Красной армии может быть названа, в полном смысле этого слова, кровавой дисциплиной».

Сей "доблестный военачальник" был приговорён к смерти и расстрелян в 1938 году, только ничуть не за свои зверства и преступления против человечества и против Родины, а за вымышленные фантазии, родившиеся в большой сталинской голове.

Близок к нашей теме Красных и Белых изверг М. В. Фрунзе, командующий Южным фронтом Красной Армии. Ровно 100 лет назад в Крыму, когда начался уже Исход, болезненный для патриотов вынужденных покидать Родину, Фрунзе, как начальник Реввоенсовета на Юге 12 ноября 1920 года сделал официально следующее щедрое и гуманное предложение противникам, в духе всепрощения: «Мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом». Известно, что в последующие дни и недели от 100 до 150 тысяч Белых войнов с жёнами, детьми, стариками прошли через мясорубку этого мерзкого мясника. Ранеными и больных убивали штыками на больничных койках.

Сподвижник Фрунзе, Бела Кун, выполнил обещание: «Крым – это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит». Фрунзе умер в 1925 году и торжественно похоронен, как герой Красной армии в Кремлёвской стене на Красной площади. По всей России донныне пестрят бюсты, мемориальные плиты, улицы, проспекты, площади, районы и т. д. В честь и память этого нечеловека, этого красного мерзавца.

Но был бы он один в таком роде! Вот, случайно, попали на «Дневник» В. Г. Короленко. 1919 год. Пишет о расправе с пленными белогвардейцами. Читаем: «Их связали, положили на рельсы и пустили на них паровоз» ...

Стоит ли дальше мысленно утопать в невинной крови и продолжать описание маришолога жертв большевиков, чтобы показать истинное лицо этих "красных патриотов", воюющих в Красной армии, с которыми нам предлагают примириться, и которые будто боролись во имя России?

Из любви ли к России взрывали Храм Христа Спасителя и оскверняли усыпальницы героев Отечественной войны 1812 года, превращая их в помойку? Будучи безбожниками-сатанистами можно понять осквернение большевиками храмов и разных святынь, но Храм Христа Спасителя стоял, как свеча зажённая от имени всего русского народа и воздвигнут был на средства, порою копейки, собранные в память победы над Наполеоном.

У каждого, мол, была своя правда ... Нет, уж, милые господа. Белые боролись за правду и поруганную православную Россию, над которой глумились красные интернационалисты. Из того же «Дневника» В. Г. Короленко, читаем: «Мне сообщили, что в Совете можно говорить всё, что угодно. Не советовали только упоминать слово "родина". Большевики уже так нашкодили эту темную массу на "интернациональный" лад, что слово "родина" действует на неё, как красное сукно на быков».

На ту же тему читаем у В. А.

Солоухина: «Водной из своих ранних речей Лев Давыдович Троцкий произнес, что Россия как таковая их не интересует, что Россия для них – это только охапка дров, которую они подбросят в костер мровой революции». Таких свидетельств можно до бесконечности приводить и только глухим и слепым это неведомо. Космополиты и прочие интернационалисты - родины не имеют, оттого марксисты вообще патриотами быть не могут.

День 23 февраля был установлен в 1918 году "Днём Красной армии". Как мы видим, было чего праздновать и чем гордиться. И после Гражданской войны, в СССР этот же день, вполне естественно, стал "Днём Советской Армии и Военно-Морского флота". Однако чудовищно то, что в этот же самый день нынешняя РФ отмечает "День Защитника Отечества", имея вероятно в памяти подвиги красных большевиков. Но следует ли тому удивляться, зная что РФ официально провозглашена именно преемницей СССР, а никак не Российской Империи, никак не России, как таковой.

Итак, попытка, усиленно внедряемая в головы несчастных жертв большевицкого эксперимента, которую предлагают и нам проглотить, состоящая в том, что, ради примирения и будущего России, надо ставить жертвы и палачей в один ряд, не только не-допустима и не этична, но может только являться плодом больной головы и полностью искажённого сознания.

Пусть советник В. В. Путина Мединский, бывший министр культуры (!), утверждает, что «становиться однозначно на сторону одних или других не просто невозможно, а «бессмысленно». Оставляя это на его совести, выразим желание, чтобы хоть подрастающее поколение знало, где была правда в Гражданской войне и понимало, как правильно недавно писал Б. Глебов в «Нашей Стране», – события 1917-1922 гг. должны рассматриваться даже не как гражданская война, а как русско-советская война. Пока российские власти категорически не осудят преступления советского режима и не признают геноцид русского народа, произведённый большевиками и их преемниками, – никакого примирения между Красными и Белыми быть не может.

А это, увы, в данной обстановке полу-мер и полу-правд не может состояться. В книге «При свете дня» Солоухин ставит верный диагноз и объясняет по какой причине это невозможно: «Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской социалистической революцией».

Да, - пока не будет окончательно и бесповоротно изрыгнута эта "великая октябрьская революция", будут продолжать ходить такие безнравственные учения, прикрывающиеся добрыми намерениями.

Как тут не кончить, приводя слова, столь оклеветанного великого государственного мужа, Константина Петровича Победоносцева, будто прямо относящиеся к сегодняшним мудрецам: «Смотри – разрушая ложь, не заменяешь ли ты её новой ложью, новой неправдой, от тебя самого исходящей, своей ложью, своей неправдой, от которой новые лжи и неправды рождаются?»

Антон Васильев

СУХАЯ БУЙВОЛА И СОЮЗНИКИ

(Отрывок из романа «Пётр Врангель»)

Сам Пётр Николаевич, приказав проводить главкома и союзников на наблюдательный пункт и взяв с собой ротмистра Оболенского, уже скакал к берегу Сухой Буйволы, обгоняя колонну пластунов, казаки, увидев высокого всадника в бурке, гаркали «Слава!». Из-под копыт коня обильно летела снежная жижа. Солнце в распахе разорванных ветром облаков вставало прямо перед ним, било в глаза, Врангель опускал на разгорячённый лоб каракуль папахи.

Вылетели на бугор, над ним весёлыми птичками посвистывали шальные пули. Но воздух был наполнен солнцем, весь какой-то праздничный, незимний – весенний, и с бугра, облитого розовым восходом, обдуваемого этим, будто весенним, ветром, не хотелось уходить.

Направо беспорядочно и горячо хлопал винтовочный огонь, отряд конников, спешившись, на капливался на окраине деревни.

Слева, к деревне Александрия, где с краю, клубами молочного цвета, дымы подожжённый сенник, густыми колоннами подходила вторая бригада.

- Значок Топоркова на переправе! хрипловато и зычно прокричал Врангель Оболенскому. - Весь штаб там! Рысью за мной, а то лабинцы замаялись, захлебнулась атака...

- Ваше превосходительство, екатеринодарцы подходят, - ответил адъютант, оглянувшись на склон бугра.

- А-а, Лебедев, молодой, вчера полковника получил. Ну, вот ему и экзамен! - Врангель развернул коня, подъехал шагом к полку, выходящему на бугор, командир, не сводя с генерала глаз, тянулся в седле, желая отдать честь как можно «отчётливее».

- Полковник Лебедев! Поддержите штаб-офицерские погоны!

- Слушаю, ваше дит-ство! По-о-olk! Шашки к бою, строй – фронт! Марш, марш!

Екатеринодарцы с шашками наголо и гиканьем рванули вперёд так пылко, что несколько казаков упали с конями, поскользнувшись на склизком, тающем снегу, но полк лавиной ворвался в Сухую Буйволу, там пошла рубка, с противоположной стороны из деревни, в жёлтых полосах залившего снег солнечного света, бежали пехотинцы, громыхали на ухабах лазаретные линейки, походные кухни. Длинная колонна спешно выходила и из Медведского, ей наперез спешила из Александрии вторая бригада, норовя ударить во фланг. Врангель не отрывался от бинокля, в рисках параметров был виден отряд Соколовского, шедший окраинной улицей, полускрытый плетнями.

- Ротмистр, пишите донесение главнокомандующему... (Оболенский схватился за полевую сумку, вытягивал из неё телеграфные бланки с железной дороги, другой бумаги для приказов не было, и мусолил во рту чернильный карандаш).

... Антон Иванович, Пуль и французы, полюбовавшись атакой, вернулись в Петровское, где для них накрыли стол, причём казаки не пожалели для

прибывших самого дорогого – бутылки отборного первача, заткнутой кукурузным початком.

Самогон подействовал на доблестных союзников, вздумавших пить его, как вино, стаканами, пожалуй, сильнее, чем врангелевская атака на красную пехоту и артиллерию – Пуль побагровел и пол-минуты сидел совершенно прямо, не шевелясь, Норман одной рукой схватился за голову, а французский офицер начал глотать воздух, как свежепойманный карась.

- Переводите им...-слегка толкнул Деникин переводчика. -Надо взять кусок чёрного хлеба... Втянуть его запах ноздрями... Ещё раз... Видите, стало легче. А теперь сразу же солёный огурец... Вот так, и всё будет слава Богу. Капустка квашеная, господа. Это Россия...

В сенях хлопнула дверь, застучали сапоги, и в комнату, пригнувшись под притолокой, вошёл Врангель, уже без бурки и папахи, оставленных в сенях на сундуке, после того, как с них сбили хлопья мокрого снега. Поздоровался по-французски с союзниками, прошёл к столу. Антон Иванович протянул ему рюмку и солёный огурчик.

- Герою Сухой Буйволы... Ваше здоровье пьём. Присоединяйтесь, прошу.

Врангель «сделал комплимент рюмкой всем сидящим за столом, выпил залпом (послышалось «o-la-la!» французского капитана) и стал жевать кривой, жёлто-зелёный, пупырчатый огурец, к бочку которого прилип укроп.

В это время вестовой привёз на самое донесение, что Врангель на поле боя диктовал Оболенскому. Он слегка отстал от барона – возвращаясь, свернул не на ту дорогу.

- Я сам прочту! – объявил Антон Иванович и, взяв телеграфный бланк, начал читать, приказав переводчику доводить смысл до иностранных гостей: «Полковник Соколовский занял Сухую Буйволу, захватив пленных, пулемёты и батарею... Екатеринодарцы, линейцы, ла-бинцы, овладев Шишкиным и Медведским, также захватили много пленных, пулемёты и орудия... Противник отходит по всему фронту, на Благородное-Елизаветинское-Новосельцы...»

- Господа, наливайте по второй... За победу! И за победителя! Ура генералу Врангелю!

От грянувших кликов замигала «летучая мышь» под потолком.

- Пётр Николаевич! Объединяю под Вашим командованием Конный корпус и войска генералов Казановича и Станкевича! Русский Юг Вашими стараниями освобождён. Ногайские степи впереди, а там ворон костей не съест... туда большевиков игоните. Через пару часов Антон Иванович провозжал размякших и «тёплых» союзников на железнодорожную станцию, обратно в Ставрополь. Врангель оставался в штабе, сделать распоряжения, и затем хотел доехать верхом до платформы, проводить главнокомандующего. Со станции подали автомобили, так как снег на дорогах почти стаял. Деникин, поддерживая Пуля под локоть, помог ему сойти с крыльца.

ВЫКАШИВАЯ ТРАВУ ЗАБВЕНИЯ: ВОЗВРАТ РЕННИКОВА

Сатирика и фельетониста Андрея Ренникова, яркого писателя первой волны эмиграции, до последнего времени читатели в России почти не знали. Большую роль в его возвращении в литературу сыграли Андрей Власенко и Михаил Талай. Последнего недавно интервьюировал, на Радио Свобода, филолог и историк литературы Иван Толстой.

- Ренников без памятника. Не он один, конечно. Но Андрей Митрофанович Селитренников – это его полная фамилия – в этом отношении весьма характерен. Забытый писатель. Михаил Григорьевич, 2021-й год начался для вас монументальной трилогией Ренникова – три его романа впервые собраны под одной обложкой. Почему историка-итальяниста заинтересовал король эмигрантского фельетона и его романы?

- Да, действительно, замечательная книга, хотя бы по своим размерам – толстый том, три книги под одной обложкой. Впервые, надо сказать – ведь Ренников при жизни не удалось свои главные три, связанные между собой произведения, издать в одном корпусе. Мы, скажем так, выполнили его посмертную волю и собрали эту трилогию в одной книге, взяв за общее название первого романа “Души живые”. Всего там три произведения: “Души живые”, “За тридевять земель” и “Жизнь играет”. Трилогия вышла в петербургском издательстве “Росток”. Занимаясь Борисом Ширяевым, писателем из моей “епархии” (он меня заинтересовал в первую очередь как свидетель второй волны русской эмиграции, как автор замечательной книги “Ди-Пи в Италии”), я задумал опубликовать его самые первые, самые ранние неоднозначные произведения, которые он писал в лагере на Соловках и там же публиковал в странном лагерном журнале. Это замечательные литературные тексты, 20-х годов, весьма новаторские. В итоге – сложилось с издательством “Росток”, которое выпустило книгу “Соловецкие сказы” Ширяева, куда попали как эти редкие произведения 20-х годов, так и уже откомментированная, выверенная, вычитанная его самая главная книга – “Неугасимая лампада”, про те же Соловки, но спустя четверть века. Одновременно с этим “Росток” выпустил еще один большой том Ширяева, самые неудобные его тексты – о жизни на оккупированных территориях. И здесь Евгений Германович Водолазкин мне весьма помог, потому что это трудная книга, Ширяев сам писатель неоднозначный. По несколько лаконично-ироничному выражению Водолазкина у него были “сложности биографии”: это его журналистическая деятельность на

оккупированных территориях. И вот, несмотря на эти “сложности биографии”, нам удалось выпустить большой том прозы Ширяева “Кудеяров дуб”. Вслед за чем мы отдали тексты Ильи Сургучева. Сургучев – италомил, он жил у Горького на Капри, обожал Италию, блестяще о ней писал, поэтому этот сургучевский сборник мы назвали (исходя из его собственного сборника рассказов “Итальянские силуэты”) “Европейские силуэты”, немного расширив географию – не только Италия. Итак, новая книга из серии “Неизвестное Новеченто” – это Ренников. Я им стал заниматься с подачи своего постоянного океанского сотрудника Андрея Власенко. Все предыдущие книги Ширяева, Сургучева и многие другие мы собирали, публиковали, комментировали вместе с ним. Он увлекся Ренниковым, стал пропагандировать его, рассказывать о нём, убеждать меня и посылать его тексты. Я вчитался, тоже увлекся, и в итоге начало 2021 года ознаменовалось выходом трилогии Ренникова.

- Михаил Григорьевич, а что же, Ренников имел отношение к вашей возлюбленной Италии?

- Если кратко сказать, то нет, вообще никакого отношения не имел, поэтому я пребывал долгое время в нерешительности. Но тут настаивал мой коллега Андрей Власенко, всячески меня убеждая, ему даже казалось, что это хорошо, если я вырвусь из “итальянского плена” и займусь чем-то совершенно другим. Я ему разъяснял, что в академической среде меня не поймут и, может быть, даже не то, чтобы осудят, но выразят свое недоумение. Тем не менее, мне с Ренниковым, когда я в него вчитался, было хорошо: после многих лет, уже почти десятилетий, занятий беженцами, репатриациями, партизанами и прочими драматическими материями, я вдруг обнаружил себя перед смеховым пространством, перед юмором, иронией, гротеском на ту же самую эмигрантскую, беженскую тему. И я получил немало, можно сказать, отдохновения над страницами Ренникова – за что ему благодарен. Поэтом такое отступление из Апеннинского полуострова. Но Италия у культурного русского человека, и не только у русского, всегда найдется, поэтому кое-что и у Ренникова обнаружилось.

- О чем же трилогия Ренникова, расскажите, пожалуйста, хотя бы кратко?

- Повести эти объединены одними и теми же героями: это некий эмигрантский Ноев ковчег, там есть княжеская пара, есть приват-доцент, есть профессор, два казака и другие беженцы-эмигранты. Есть широкая география. И сами романы выходили в разных местах, первоначально в Белграде, в издательстве Михаила Суворина, сына знаменитого Суворина, в 1925 году. Это “Души живые”. Там главная героиня – барышня Ирина, бежавшая из советской России с дельцом и встретившая свою первую любовь, одного белого офицера, который опростился, стал заниматься огородничеством, они полюбили друг друга, решили бежать дальше из Европы, и вместе трижды пересекают океаны и не одни, а со всей этой беженской компанией. Они сначала плывут в Америку, где их не принимают по экономическим

причинам, затем плывут обратно через океан во Францию, там их не принимают по политическим причинам, потому что в припортовых городах пришли к власти французские коммунисты, которые не хотят, чтобы к берегам Франции пристали белые эмигранты. И тогда они плывут в третий раз через океан и приплывают в Венесуэлу, где уже вживаются в местную действительность – один казак становится коннокрадом, другой поступает в цирк и становится “силачом-немцем” с прозвищем Михель. И прочие разного рода перипетии. Вторая книга выходит там же, в Белграде, в 1926 году, называется она “За тридевять земель”, и название соответствует географии, потому что примерно те же самые герои перебираются в Африку, где наш офицер, возлюбленный Ирины, становится вождем одного негритянского племени. Действие происходит в разных африканских странах, в Абиссинии, в Конго, и русский офицер обустроивает свою жизнь в Африке, пользуясь лозунгом “В Европе русский – черный среди белых, а в Африке – наоборот”. Другой герой, “белый” моряк из Бизерты, куда уплыл врангелевский флот, становится ловцом жемчуга. Это тоже большая фабула, семейная, потому что он женится на ветреной негритянке и там разгораются разного рода сцены африканской ревности. И, наконец, третья повесть: Андрей Ренников уже покидает Белград, который уже становился ему тесен, и на всю жизнь обустроивается во Франции. Третья книга называется “Жизнь играет” и посвящена русским во Франции. Это преимущественно эмигрантский быт. Если первые две книги это приключения, авантюры, обширнейшая география, то здесь это Франция, в основном, Париж, русские кафе, столовые, книго-читальни, русская церковь на рю Дарю. Один герой становится человеком-рекламой, другой – подметалой: представлен быт, внедрение во французскую жизнь на разных уровнях. Это перекликается с основной темой творчества Ренникова тех лет, 30-х годов, которую он отразил во множестве фельетонов. Он вел регулярно – еженедельно – рубрику в газете “Возрождение” “Маленький фельетон”, который растянулся на всю его большую эмигрантскую жизнь. Один из своих сборников фельетонов он назвал “Незваные варяги”. У него русские во Франции, вообще в Западной Европе, стали незваными варягами.

- Михаил Григорьевич, изучая ваши публикации, вижу, что это не первый Ренников в вашей жизни, а до трилогии вышли еще две другие книги и вы тоже ведь имеете к ним отношение?

- Это действительно так. Дело в том, что трилогия, как мне кажется, – самое главное из того, что мы сделали с коллегой Власенко в отношении Ренникова, но она, по разным причинам, продвигалась медленно. И так как Ренникова было много, писатель был один из самых плодовитых и востребованных в русской эмиграции, поэтому мы достаточно оперативно с тем же самым Власенко издали два других сборника Ренникова в динамичном издательстве “Алетейя”. Полтора года тому назад вышел наш первый сборник именно фельетонов, с названием

(это традиционный ход), которое взяли у одного из фельетонов и сделали его общим для сборника. Мы воспользовались любовью издательства “Алетейя” делать большие, толстые тома и не мелочиться на какие-то более худосочные. В итоге под одной обложкой с названием “Потому и сидим” (2018 год) мы поместили порядка сотни фельетонов разных лет, в итоге получилось более восьмисот страниц. Это стало первой книгой Ренникова, для которой мы написали вместе с Власенко и его биографию. И затем, пока мы ждали когда, наконец, выйдет наша главная вещь Ренникова, трилогия, с которой мы начали сегодняшний рассказ, мы опубликовали еще одну книгу “Было всё, будет всё”, опять-таки, взяв название одного из уже не фельетонов, а очерков Ренникова, который оказался достаточно разносторонним писателем. И в эту книгу издательства “Алетейя” мы поместили, в первую очередь, мемуары. Тут уже – моя область, я очень люблю мемуарную литературу, люблю над ней работать, и эти великолепные тексты Ренникова лежали на моем письменном столе рядом с компьютером почти год, и я, прямо скажу, упивался, комментируя и готовя их к публикации. Тем более, что Ренникову было что о себе рассказать. Мне кажется, что его огромное, планетарное литературное пространство было во многом обусловлено его масштабными перемещениями до-революционными, российскими, имперскими. В этой второй книге издательства “Алетейя” “Было всё, будет всё”, мы опубликовали совсем малоизвестные его тексты, которые мы обозначили как нравственно-философские произведения. Эмигрировав, пройдя через достаточно традиционный маршрут – Болгарию, Сербию, Францию – пережив войну на юге Франции, в Ницце, в 40–50-е годы, Ренников отошел от собственно фельетонного творчества, от юмора и сатиры, и стал писать на нравственно-философско-моральные темы. И для меня это было откровением: это очень интересные, глубокие тексты. Истоки такой перемены я обнаружил, изучив биографию Ренникова и его образование. Он – выпускник Новороссийского университета, который находился в Одессе, закончил, и это говорит о многом, одновременно два факультета – физмат и историко-философский, и написал диссертацию о ныне немного подзабытом широкой публикой, но все-таки важнейшем психологе и философе Вильгельме Вундте, авторе многотомного трактата “Психология народов”. И этот философско-нравственный подход для Ренникова был важен, поэтому даже в его фельетонах, как сейчас мне, уже познакомившись достаточно обстоятельно с его литературой, кажется, есть некий другой план, объем, а для нас – свежий интерес. Мы дали также замечательное, полное фантастическое ситуаций мемуарное описание путешествия группы беженцев-интеллектуалов, пожелавших ознакомиться с византийским и балканским прошлым: из Белграда в 20-е годы они отправились на обочину Югославского королевства, побывав тогда в сербской Македонии и в

Косово. Это уникальные тексты: Косово глазами русских в 20-е годы. Здесь, надо сказать, мне помог с комментариями этих текстов мой коллега из Сербии, Алексей Борисович Арсеньев, который внимательно прочитал этот травелог, особенно путешествие по Македонии и Косово, заметил и откомментировал много интересного. Работая над очерками Ренникова, я нашёл много переключек с авторами, которыми уже занимался, в частности, с тем же Ширяевым, хотя вроде бы, они принадлежали к разным волнам эмиграции. Тем не менее, Ширяев, по своему культурному багажу и по биографии, все-таки тяготел больше к первой волне, чем ко второй. И Ширяев вместе с Ренниковым участвовал в одной весьма оживлённой дискуссии, которая сейчас нам, может быть, покажется архаичной. В конце 40-х – начале 50-х годов в зарубежной периодике разыгрался отчаянный спор о роли русской интеллигенции в русской истории. Конечно, спорящие разделились на два а, может, даже больше, лагеря, ни к какому общему выводу, понятно, не пришли. Перечитывая эту их дискуссию, я пришел к мнению, что спорщики вначале не договорились, что они подразумевают под понятием “интеллигенция”, каждый говорил о своем и расправлялся с интеллигенцией по-своему. Ширяев, например, её оценивал позитивно, потому что русскую интеллигенцию он отсчитывал от Преподобного Сергия Радонежского, считая, что сей культурный и святой монах был настоящим основателем настоящей русской интеллигенции. Ренников принадлежал к другому лагерю и для него русская интеллигенция была неким существом с большой головой, но с добрым сердцем.

- Михаил Григорьевич, а чем объяснить, что до ваших изданий Ренниковым занимались так мало?

- Это и для меня загадка. Уверен, что существуют написанные и мною не изученные трактаты о рецепции в современной России русской зарубежной литературы, почему и как в отечество проникли забытые и отринутые ранее писатели. С Ренниковым это, действительно, – загадка. Он много печатался, за границей вышло более десятка книг, у него – еженедельные фельетоны, успех и прочее. Надеюсь, что три большие книги нашей читающей публике отроют имя этого позабытого у нас писателя. Мы опубликовали немало, подведу наш итог: это 1500 страниц в издательстве “Алетейя” и 620 страниц в издательстве “Росток”, то есть более двух тысяч страниц: не знаю даже, осилит ли так много современный читатель. До нас с Власенко в России лишь вышла одна печатная книга Ренникова-эмигранта, это роман “Раздаться, человек”, а также электронная книга, роман “Диктатор мира”, утопия или антиутопия, на мой взгляд, не очень удавшаяся нашему автору. Поэтому с технической точки зрения весьма запоздалое, непонятно почему, возвращение.

- А какова его житейская судьба, какие биографические сведения о Ренникове в эмиграции? Где он завершил свои дни и

при каких обстоятельствах?

- В 30-е годы Ренников жил и плодотворно работал в Париже. Когда началась война, он не смог вынести оккупацию северной Франции, он всегда отличался таким повышенным патриотизмом и, надо сказать, несколько антигерманской направленностью. Он потом в этом каялся, уже на склоне лет. У него был такой большой фельетон: объехав российские прибалтийские губернии, он изобразил тамошних немцев в карикатурных тонах – в книге “В стране чудес”, с подзаголовком “Правда о прибалтийских немцах”. Вообще это было характерно для русских литераторов и тех, особенно, кто пережил Первую Мировую войну. Поэтому немцев и в Париже он стерпеть не мог, удалился на юг Франции, в так называемую Республику Виши. Жил тихо, перешёл на нравственно-духовную прозу, приблизился к православной Церкви. В целом, он всегда был человеком религиозным, но в те годы, особенно после войны, он стал активным прихожанином русской церкви в Ницце и тихо угас, пережив свою супругу на пять лет, в старческом доме. За несколько лет до его смерти, в 1953 году, русская эмиграция пыталась было отметить 50-летний юбилей его литературной деятельности, прошли некие торжественные собрания, поставили несколько его пьес, тем не менее, прошло это всё под сурдинку. Попытка донести его новым читателям, новой русской эмиграции не состоялась. Он скончался в 1957 году в Ницце и был похоронен рядом со своей женой на известном православном кладбище Кокад. За рамками наших публикаций остался огромный важный пласт деятельности Ренникова – это драматургия. Помимо прозаика, фельетониста, романиста он был успешным драматургом, его пьесы, не только в Париже, но и в других центрах русской эмиграции, соперничали с тем же самым Сургучёвым. Казус Ренникова тем более интересен, что если Сургучёв в эмиграции уже явился признанным драматургом с европейским успехом своих “Осенних скрипок” и других дореволюционных пьес, то Ренников впервые занялся драматургией в Париже, и здесь составил конкуренцию Сургучёву. Они даже писали на схожие темы – и у того, и у другого есть пьеса, посвященная галлиполийскому стоянию, лагерю Белой армии в Галлиполи. У него есть несколько других успешных тогда, но эфемерных театральных произведений. В 30-е годы они все-таки звучали, на них писали хорошие рецензии. Ренникову удалось издать малыми тиражами свои пьесы и отдельными книжками и даже небольшой сборник своей драматургии. Она никогда не переиздавалась и это, действительно, могло бы стать предметом наших дальнейших публикаций, но здесь, я думаю, уже загвоздки экономического характера. Нам было не так просто достучаться до издателей, чтобы опубликовать блестящие, феерические фельетоны, прозу Ренникова, а что будет с драматургией? Сейчас книги вообще плохо покупают, а пьесы и брать не будут.

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Lidia de Candia. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чек: Nicolas Kasanzew, 9225 NE 12 Ave Miami Shores, FL, 33138, USA Адрес для писем: N. Kasanzew, Av. San Martín 3956, San Lorenzo. Pcia. Santa Fe 2200, Argentina. Годовая подписка: В Аргентине -

В Европе - 60 евро. В Австралии - 85 американских долларов. В Канаде - 80 американских долларов. В США и остальных странах - 75 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 483081206479 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL, 33154-2068, USA 021000322 Swift: BOFAUS3N: Мнения авторов не всегда выражают таковые газеты.

NUUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции - E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: www.nashastrana.net

Волею Божией 2-го марта 2021 года в Монреале, Канада, в возрасте 82 лет, скончался бывший член Высшего Монархического Совета и руководитель Российского Имперского Союза-Ордена

ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ВЕЙМАРН (ЕВТУШЕНКО)

о чём сообщает редакция "Нашей Страны" и выражает соболезнование вдове и родственникам покойного.

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В США

В США имели место президентские выборы. Что же изменилось? Неясно...

Раньше демократическая партия блокировала президента, Теперь половина избирателей сдерживает Демократическую партию.

Кто же управляет Соединенными Штатами Америки? Это – прославленная система сдержек и противовесов.

В стране есть президент, две палаты, Верховный Суд, и ещё 50 автономных штатов. Недавно мы видели как всё это ловко управляется. Только непонятно почему приводит к массовым погромам и бесчинствам...

Но это не всё. Далее существует знаменитая двухпартийная система.

Как в аду у Дяди Сёма Двухпартийная система. Выбирай в состав Конгресса Хочешь чёрта, хочешь беса...

Это, конечно, шутка. Но не шутка, что страна увязла в шести войнах (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Украина) и имеет три конфликта (Иран, Северная Корея, Куба).

Далее идёт прославленная Первая Поправка – о свободе прессы. - Слов нет...

Всё это должна регулировать двухпартийная система. Но тут-то она буксует. Ей должна соответствовать двухпартийная

пресса. Но её нет. У Демократической партии – всё, у оппозиции – ничего. Значит в прессе система скрепов и противовесов не действует. И всё проваливается...

В газетах последнее время сообщалось, что в Америке существует ещё одно направление, называемое по-разному. Истеблишмент; бывшие и настоящие чиновники Иностранных Дел, Разведки и Обороны: вашингтонское болото, глубинное государство (Deep State).

Но что всё это обозначает – неизвестно.

Существует ещё экономика, Либералы утверждают, что свободу рождает рынок. Это – неправда. У Гитлера была тоталитарная система – и капитализм. У Сталина тоже была тоталитарная система – и социализм.

И есть ещё одно разделение: бизнесмены делятся на финансистов и промышленников. Первые играют на бирже и создают финансовые пузыри. Вторые уводят производство реальных товаров в Азию. Но в этом не видно связи с политикой.

А Большой Политический Кризис в Америке бушует в таком составе:

Непрерывные войны.

Однопартийная Пресса.

Единогласный Интернет.

Подозрительные Выборы.

Какой же выход из Хаоса? Ходят слухи о создании третьей партии.

Е. Кармазин

БЕЛОЦАРИЗМ

В Российской Федерации ревущих 2020-х годов «монархистами» себя по преимуществу называют вовсе не сторонники христианского аристократического общества, но существа предосудительной наружности, с тёмным советским прошлым и уголовным настоящим, с широким спектром политических и религиозных убеждений от просталинских до просергианских.

Поэтому, говоря о своих политических убеждениях, ваш многогрешный слуга будет отныне употреблять слово «царизм». Или «белоцаризм», чтобы ни у одной воцерковлённой советской крысы с габитусом, описанном в дневниках Ивана Бунина и Чезаре Ломброзо, даже и мысли не было примазаться или ассоциировать мои убеждения с сергианскими.

Я думал, что только я один задавал себе этот вопрос:

стыдно ли быть монархистом в сегодняшней Российской Федерации? Оказывается, не я один над ним задумывался.

Однако, в качестве альтернативы я выбрал другой термин - антикоммунизм.

Я - антикоммунист, и этим всё сказано. И - да: я скорее примирюсь с республиканским строем, который освободит общество от советчины и законодательно положит ей предел, чем с «монархической» декорацией, прикрывающей Совок.

А. Григорьев

**УПЛАТИЛИ ЛИ
ВЫ ЗА
ПОДПИСКУ
НА ГАЗЕТУ ЗА
2021 ГОД?**